

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 1 (68)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лакельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан); Валь Й., PhD, О-во охраны памятников
Штутгарта (Германия); Зимина О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2025

FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (68)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Göteborgs Universitet (Göteborg, Sweden)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Безгин В.Б.*, Вязинкин А.Ю.

Тамбовский государственный технический университет, ул. Советская, 106/5, Тамбов, 392000
E-mail: vladyka62@mail.ru (Безгин В.Б.); vyazinkin@yandex.ru (Вязинкин А.Ю.)

АНТРОПОЛОГИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ПРОТЕСТА В ГОДЫ «РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕЛОМА»

На основе широкого круга опубликованных источников и архивных материалов, включая документы официального делопроизводства, газетные репортажи и судебные хроники, представлен историко-антропологический анализ поколенческого фактора в феномене крестьянского протеста периода «революционного перелома». Поколенческая методология позволила провести историко-антропологическое исследование с учетом генерационной структуры российского и советского общества в первой трети XX в. Новая оптика исследования направлена на выявление конфликтных столкновений в правосознании крестьянства в условиях революционной турбулентности. Определение роли детей, подростков и сельской молодежи в разнообразных формах крестьянского протеста дало возможность сочетать тематическую проблематику крестьяноведения, гендерных исследований и исторической антропологии. В контексте традиции крестьянского протеста в России и с учетом специфики изучаемого периода выявляется взаимосвязь эмоционального состояния крестьянства, поколенческих связей в деревне и роли общины в организации участия детей, подростков и молодежи в разнообразных формах протеста. Подчеркивается, что, несмотря на новации революционного времени, значение общины в «протестном» решении проблемных взаимоотношений «деревня — власть» оставалось решающим, а крестьянский протест сохранял традиционные цели сельских жителей — стремление к правде и справедливости. На конкретных примерах показана актуальность предложенной историко-антропологической типологии крестьянских протестов: ненасильственный протест, локальный бунт, крестьянская революция.

Ключевые слова: *крестьянский бунт, историческая антропология, поколение «революционного перелома», сельская архаика, поколенческая история.*

Ссылка на публикацию: Безгин В.Б., Вязинкин А.Ю. Антропология крестьянского протеста в годы «революционного перелома» // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 1. С. 202–210. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-68-1-17>

Введение

Исследование феномена крестьянского протеста в условиях «революционного перелома», т.е. времени войны, реформ и революции, на которое приходится коренное изменение поведенческой модели развития сельского социума, представляется нам действительно значимым. Круг вопросов, связанных с историей российского крестьянства уникального периода трансформации жизненного уклада села и его традиционных институтов, является актуальной проблематикой крестьяноведения. Мы обращаемся к поколенческому аспекту, что позволяет раскрыть антропологическую специфику крестьянского протеста обозначенного периода. Поколенческая история, или история поколений,— весьма перспективная область исторического и историко-антропологического знания. Существует ряд зарубежных исследований, в центре внимания которых именно история поколений [Spitzer, 1987; Wohl, 1979]. Определенные подходы к изучению истории поколений сформулированы в трудах современных историков и социологов [Отцы и дети..., 2005]. В последние несколько лет отечественные исследователи обратились к этой проблеме на примере поколения «революционного перелома». Изучение конкретного поколения осуществляется ими в контексте истории ментальности [Сафонов, 2023; Слезин и др., 2022], крестьяноведения [Безгин, 2023], исторической и социальной демографии [Безгин и др., 2022], медицинской антропологии [Ипполитов, 2023]. Есть обобщающая работа, посвященная поколенческому фактору в истории русской деревни в годы первой русской революции [Bezgin et al., 2024].

Затрагиваемая авторами проблема анализируется на основе актуальных теоретико-методологических подходов крестьяноведения, исторической антропологии и поколенческой истории. В фокусе исследовательского внимания авторов историко-антропологическая специфика аграрного движения первой четверти XX в., определяемая прежде всего поколенческим факто-

* Corresponding author.

ром. Изучаемое поколение (Ю.А. Левада) в русской деревне представлено теми жителями села, которые родились «примерно в 90-х годах XIX века» [Левада, 2006, с. 34]. Поколенческий подход к изучению проблемы антропологического измерения крестьянского бунта в начале XX в. позволяет дополнить панорамную картину аграрных выступлений в изучаемый период, сделать ее богаче, шире, точнее. Получение нового научного результата напрямую связано с исследованием именного поколения, т.е. «свидетелей» крупномасштабного перелома, общего срыва большинства рутинных механизмов социального порядка, систем его поддержания и воспроизводства» [Дубин, 2005, с. 68].

«Поколение» — одно из ключевых понятий в методологической инструментарию нашего исследования. Оно подразумевает социально-демографическую группу, включающую в себя представителей одной возрастной категории, людей, связанных воздействием одних и тех же «социальных и интеллектуальных симптомов процесса динамической дестабилизации» [Мангейм, 1998, с. 28]. Мы понимаем под ним не только социогуманитарную единицу, но и компонент «биологического ритма человеческого существования» [Там же, с. 18]. Такой теоретико-методологический подход к историческим исследованиям позволяет понимать события в эпоху социальной и политической турбулентности в специфически антропологической перспективе. Паттерны поведения нового поколения зависят от «новых психофизических единиц, в буквальном смысле начинающих “новую жизнь”» [Там же, с. 21]. Т. Шанин отмечал, что история поколений позволяет изучать ход истории в контексте проблемы формирования мышления людей, сыгравших решающую роль в определенных событиях, и в этом смысле «можно говорить о поколении определенной войны, поколения определенного кризиса и т.д., если данные события обусловили их видение и мышление» [Шанин, 2005, с. 8].

Хронологически исследование охватывает период «крестьянской революции» [Данилов, 1996], т.е. 1902–1922 гг. Исследование основано на широком круге источников, преимущественно на архивных документах и материалах периодической печати, отражающих характер, формы и особенности крестьянского протеста. Фактический материал почерпнут как из документов официального делопроизводства (губернаторские отчеты, полицейские рапорты, следственные дела, судебные приговоры и т.п.), так и из газетных репортажей и судебных хроник.

Результаты

Особенности крестьянского менталитета. Крестьянский универсум в России конца XIX — начала XX в. еще находился в орбите влияния общинного традиционализма, который в своей реактивной форме проявлялся как своего рода вегетативный консерватизм. Это означает, что крестьянина интересовало все то, что способствовало воспроизводству его модели жизни, подчиненной непрерывно повторяющемуся циклу сева и сбора урожая. Своеобразное бытие крестьянина и его жизни не должно нарушаться извне. Любое вмешательство, нарушающее цикл, воспринималось как враждебное. Наравне с реактивностью во внутрисоциальном бытии крестьянского микрокосмоса существовали еще социально-историческая традиция крестьянского бунта, практики народной вольницы, в основе которых лежали поиск социальной справедливости (в соответствии с народным пониманием «правды») и естественное стремление к автономному бытованию общины. Стремление крестьянского социума к хозяйственной автономии в емкой формуле описал Ф. Бродель: «Деревенский идеал: произвести все самостоятельно» [1994, с. 123]. Поэтому в любом проявлении крестьянского протеста обнаруживается установка на автономизм, эта естественно-анархическая акцентуация сельского сообщества.

Порядок крестьянского микрокосмоса представляет собой сложную амальгаму мифолого-магической картины мира и простецкого, но здравомысленного практицизма, в сущности — жизненного прагматизма. Если мифология и магия (не обходившиеся одним только наивным монархизмом) составляли ядро архаической крестьянской ментальности, которое фундировало неизменные принципы и воспроизводимые модели (ритуалы, обычное право и т.п.) социального бытования общины и отдельного крестьянина, то прагматизм лежал в основе элементарного крестьянского быта, связанного с хозяйственной жизнью и взглядами на современные тенденции общественного развития. Последнее — несомненное достоинство крестьянина, относившегося ко всяким новшествам скептически не в силу тривиальной установки на отрицание, а по причине прагматической деконструкции нового явления и раскрытия его неуместности в контексте привычного крестьянского бытования. Крестьянин умел довольствоваться малым, что дает ему моральное право считать себя действительным хозяином русской земли. Подобная точка зрения была характерна для многих теоретиков русского народничества, интеллектуального и

социокультурного феномена, представители которого стояли у истоков отечественного крестьяноведения. Отметим, что разнообразные социальные идеи радикальной интеллигенции в связи с русской деревней свидетельствовали не столько о мирозозерцании крестьянства, сколько о политическом темпераменте того или иного народника.

Некоторые теоретики народничества считали, что русский народ является исключительно мирным и ему чужды революционные потрясения. Умеренные народники полагали, что реформаторский подход и земская деятельность более подходят для сближения интеллигенции и крестьянства в борьбе за улучшение жизни простого народа. Если либеральные народники оценивали «мирность» крестьянства позитивно, то теоретик революционного народничества П.Н. Ткачев считал, что в деле революции рассчитывать на народный бунт не приходится, поэтому предлагал идеи революционного заговора и захвата власти узким кругом заговорщиков.

Другие народники, напротив, подчеркивали бунтовской характер крестьянской ментальности, приводя в пример наиболее масштабные крестьянские выступления под руководством Степана Разина и Емельяна Пугачева. Эти лидеры русских повстанцев стали иконами народного бунта. Их идейными «двойниками» во второй половине XIX в. были народники-анархисты М.А. Бакунин и П.А. Кропоткин, теоретики крестьянской революции. М.А. Бакунин призывал к прямому действию, утверждал, что крестьянство готово к революционному восстанию в любой момент. По мнению анархиста, это определяется ужасным положением русского крестьянства, которому нечего терять в борьбе за улучшение своего положения.

Формы крестьянского сопротивления. Ф. Бродель отмечал, что бытующее в деревенском сознании стремление к независимости спланивало местных крестьян [1994, с. 124]. Верно это и для всех видов крестьянского протеста, активная фаза которых консолидировала русских крестьян-общинников разного достатка и возраста. В зависимости от степени проявления агрессии и насилия, а также от масштаба протестной активности можно выделить следующие уровни крестьянского сопротивления:

- 1) ненасильственный протест;
- 2) локальный бунт;
- 3) крестьянская революция.

Крестьяне использовали многообразные формы ненасильственного протеста, так называемого рутинного сопротивления. Признаком подобного сопротивления является «нарушение установленного ритуала поведения» [Гордон, 2023, с. 13], которое чаще всего выражалось в особых моделях невербальной коммуникации. Антрополог Дж. Скотт, автор книги «Оружие слабых», выделил следующие особенности «рутинного сопротивления»: неорганизованность, частный характер, эгоистичность, отсутствие революционных последствий, осуществление в форме приспособляемости к системе [Scott, 1985, p. 292]. Разумеется, генезис этих способов сопротивления определялся весьма ограниченными (физическими, правовыми, психологическими) возможностями подчиненного класса, тогда как в процессе своего формирования и развития «рутинное сопротивление» превратилось в совокупность специфических социальных и антропологических практик. Народный бунт есть проявление коллективного сознания, стихийной массовой агрессии [Сухова, 2007, с. 17]. При этом в случае русского крестьянства прагматический источник локального бунта мог быть связан, к примеру, с кризисом потребительского хозяйства, а архаический обнаруживался в эсхатологических обертонах массовых народных движений. Как «защитный механизм, транслятор традиционных ценностей» [Мауль, 2009, с. 155], сельский бунт является реакцией на новации, возникшие накануне и угрожающие крестьянской идентичности. Его цель — реанимировать прежний социальный и хозяйственный порядок. Достижение этой цели требует усиления чувства коллективной идентичности, которое пробуждает к жизни архетипы коллективного бессознательного. Поэтому крестьянский бунт несет в себе мощный архаический элемент (карнавальная компонента, народная обрядовость, ритуальный символизм).

В начале XX в., в годы «революционного перелома», мощные модернизационные процессы, захватившие и российскую деревню, оказали существенное влияние на сознание русского крестьянства. Наиболее подверженными этой трансформации, разумеется, оказались подростки и молодые люди, представители поколения «революционного перелома», вместе переживавшие социальные метаморфозы начала столетия. Революционное движение в стране и активизация крестьянских выступлений выступали фоном кристаллизации этого поколения. Дух поколения, по выражению Т. Шанина, объединял «всех, кто прошел через одни и те же события» [2005, с. 17]. Верен и другой тезис Т. Шанина — о том, что «русскую революцию не объяснить

без поколенческого анализа русского общества в этот период» [2005, с. 20]. Необходимо добавить, что и специфика крестьянского бунта начала прошлого столетия не может быть понята без изучения поколенческого фактора. Начало XX столетия стало временем освобождения крестьянского самосознания от всевозможных нравственных и политических авторитетов. И хотя процесс этого освобождения не был равномерным и тотальным, тем не менее его влияние на формирование бунтовских настроений на селе было весьма значительным. Социальный мир общинной России начал разрушаться с того момента, когда «неприкосновенность царизма уже не казалась безоговорочной истиной» [Шанин, 1997, с. 155]. Эти обстоятельства порождали новые факторы протестных настроений и бунтовского поведения на селе. Несмотря на то что в экстремальных ситуациях уровень сплоченности крестьянской общины резко возрастал, факторы модернизации не могли не отразиться на характере межпоколенческих отношений. Т. Шанин отмечал, что «положение молодых мужчин в крестьянских домохозяйствах оставалось подчиненным. Это становилось питательной почвой для многих острых внутрисемейных конфликтов и для высококриминогенной обстановки на селе» [Шанин, 2020, с. 301]. Такая ситуация, в свою очередь, накаляла эмоциональную атмосферу в общине, стимулировала мятежную активность крестьян.

Рутинное сопротивление. Специфика крестьянской картины мира, в особенности в вопросах форм взаимоотношений (включая протест) с помещиками или властями, раскрывается в ходе историко-антропологического анализа правовых аспектов. Источники показывают, что крестьяне не считали предосудительным воровство у помещиков. Вполне «легитимными» в обычном праве русского крестьянства были кража зерновых или порубка дубков в помещичьем лесу [Бунаков, 1906, с. 52]. Тайный советник Ф.Л. Барыков, обобщая исследования обычного права сельской поземельной общины, писал: «Крестьянин крадет лес у соседнего помещика. Воровство чужого леса — вещь самая обыкновенная: местным обычным правом она признается если не вполне законной, то все-таки не заслуживающей наказания» [Сборник..., 1880, с. 330]. При этом кража осуществлялась относительно открыто, потому что крестьяне полагали, что ни соседи [Безродный, 1906, с. 76], ни односельчане их не выдадут [АРЭМ. Ф. 7, оп. 2, д. 1092, л. 3]. В сознании русского крестьянина рубка дров в господском лесу не являлась кражей, поскольку «это не людское, а Божье» [АРЭМ. Ф. 7, оп. 2, д. 680, л. 1]. Согласно обычному праву русского крестьянства справедливым источником собственности является труд. Поэтому исключительные претензии помещика на лесные ресурсы в расчет не принимались. Юрист И. Тютрюмов, исследователь обычного права, писал: «Мне лично приходилось встречать солидных крестьян, которые ни за что не согласятся “положить грех на душу” — взять что-нибудь чужое, а между тем спокойно едут в чужую лесную дачу и хозяйничают там самым бесцеремонным образом» [1879, с. 276]. В основе обычного права и крестьянской логики лежал здравый смысл: «Лес никто не растил, а он сам вырос, поэтому лесом может пользоваться всякий, кому заблагорассудится» [Русские крестьяне..., 2006, с. 196].

И все же по своей форме это было вариацией протеста. Любопытна роль в нем крестьянских детей, представителей поколения «революционного перелома» прошлого столетия. Овладение деревенскими детьми и подростками всем арсеналом «оружия слабых» являлось органической частью их процесса социализации. Они с малых лет были вовлечены «миром» в скрытые формы протеста. Это мог быть сбор грибов и ягод в имении, ужение рыбы и браконьерство в экономических угодьях, выгон общественного стада на владельческое поле или ночная пастьба крестьянских лошадей на помещичьем лугу. А став взрослее, они наряду с отцами рубили деревья в барском лесу, тайком свозили на двор хозяйское сено, воровали с тока зерно.

Локальные крестьянские бунты начала XX в. Формы крестьянского протеста резко изменились в начале XX в., когда ряд факторов, в особенности аграрное перенаселение и измельчание земельного надела, резко увеличил уровень социальной напряженности на селе. Крестьянские протесты начали приобретать «открытый и массовый характер» [Безгин, 2004, с. 132]. Огромна была роль общины в организации специфических форм крестьянского протеста. Это зримо проявилось в обострившихся конфликтах крестьян-общинников и помещика. Крестьяне прибегали к запашке помещичьих и церковных земель, потраве лугов, отпускали на волю лошадей, находящихся в чужой собственности [ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО, оп. 1906 (II), д. 700 ч. 46, л. 82]. Подобные деяния осуществлялись всем «миром», крестьяне были убеждены, что протест вполне легитимен, что они останутся безнаказанными [Крестьянское движение..., 1964, с. 46, 48]. Протест всем «миром» означал для крестьян саму справедливость в действии. Как отмечал жандармский офицер начала XX в., народ глубоко убежден в том, что, «как скажут крестьяне, так царь и решит» [Крестьянское движение..., 1926, с. 11, 115]. Протестное действие предварялось реше-

нием сельского схода. Приговор схода был санкцией справедливого бунта. В начале прошлого столетия община перестала быть традиционалистской опорой царизма, но стала организацией справедливой крестьянской борьбы, проявлявшейся в конфискации и распределении помещичьих земель [Безгин, 2004, с. 136].

Дети и подростки на селе в начале XX в. активно вовлекались в протестные действия общины. Следует отметить, что общинная солидарность в годы «революционного перелома», несмотря на множество факторов, разделявших «отцов» и «детей», тем не менее распространялась и на поколенческие связи. Ликвидация помещичьей собственности признавалась справедливым решением земельного вопроса «отцами», не знавшими крепостного права. Сила общины и ее возможности в протестной борьбе становились очевидными именно в выступлениях всем «миром» [Безгин, 2023, с. 73].

Отметим, что крестьяне понимали противозаконность своих действий. Одновременно о стихийном характере сельских бунтов и о желании крестьян обезличить ответственность за беспорядки свидетельствует ответ на вопрос о причинах крестьянских бесчинств: «Это безобразие, а безобразия всегда увлекает. Наши и соблазнились. И как это у них вышло — сами теперь не знают» [РГИА. Ф. 566, оп. 1, д. 35, л. 3]. Русский крестьянин бунтовал в годы «революционного перелома», и формула его бунта была проста: «бунт всегда представлял собой мирское действие. Бунтовал “мир” в полном составе, и главным объяснительным мотивом крестьян было: куда “мир”, туда и я, мне от “мира” нельзя» [Рахматуллин, 1990, с. 130]. Социальная справедливость, таким образом, достигается посредством коллективного действия. В крестьянском сознании за аграрные беспорядки индивидуальная ответственность не предусматривается, поскольку «се не мы, а общество!» [РГИА. Ф. 919, оп. 1, д. 92, л. 3 об., 5]. Раскаяние крестьян в содеянном было результатом давления государства на слабую сторону конфликта. Когда открытые крестьянские выступления были подавлены, жители деревни вернулись к скрытым формам протеста. Саботаж и вредительство — таковы основные формы крестьянского сопротивления, которое, в свою очередь, могло проявляться в разнообразных вариантах уничтожения техники, порубки леса, истребления скота, поджогов и т.п. Современники отмечали, что «бойкот частного землевладения выработался в народной среде стихийно и велся упорно и настойчиво» [Безродный, 1906, с. 77]. Деревенские дети, в силу возраста, выступали в роли зрителей «аграрных беспорядков». Сельские подростки обладали достаточными физическими качествами и социальными навыками для того, чтобы активно участвовать в грабежах и поджогах. В начале XX в. крестьяне нередко прибегали к насилию в отношении вооруженных охранителей, т.е. полицейских, казаков и военных.

«Пьяные» погромы осени 1917 г. Решительности в противоправных действиях добавлял алкоголь, который нередко был катализатором общинных протестов, крестьянских «пьяных» погромов осени 1917 г. По сообщению газеты «Рязанская жизнь» от 20 октября 1917 г., крестьяне с. Свиноушки Ново-Тишевской волости Раненбургского уезда в ходе разгрома барского имения «пили вино из погребов, резали и тут же ели целым селом туши быков и баранов, ели из раззолоченных блюд и щеголяли в шубах с “барских плеч”» [Рязанская жизнь, 1917]. Это пьяное «гульбище» крестьян было данью традиции отмечать таким образом окончание коллективных работ и демонстрацией победы деревни над ненавистным помещиком, торжеством принципа народной справедливости. Алкоголь стал непременным спутником погрома и присутствовал на всех его этапах. Его употребляли для храбрости перед разгромом барского имения, он выступал в качестве законного трофея в ходе разорения помещичьей усадьбы или винокуренного завода и становился обязательным магарычом, который необходимо было коллективно «спить» после успешного окончания коллективного действия. Действия крестьян в ходе погромов порой напоминали своеобразный театр абсурда. В этих действиях проявлялись элементы обрядово-зрелищных форм народной утопии, характерные для исторического момента крестьянского протеста. Например, имение С.Ф. Попова 11 сентября 1917 г. было сожжено «с музыкой» в буквальном смысле этого слова. Погромщики, крестьяне с. Сычёвки Ярославской волости Козловского уезда Тамбовской губернии, вынесли из дома всю мебель и, рассевшись среди двора на стульях, заиграли в гармонию и затянули песни, другие бросились поджигать строение [Крестьянское дело..., 1917]. А тремя днями ранее крестьяне того же села, возможно те же «музыканты», сожгли и разграбили имение помещика К.П. Романова, убив владельца [ГАТО. Ф. 2, оп. 142, д. 538, л. 277]. Так же по-молодецки было разгромлено имение Ушакова, находившееся в той же волости. «Ворвались в дом мужики и бабы, вытащили мебель в сад, и, пока мужики под звуки гармошки

Антропология крестьянского протеста в годы «революционного перелома»

поджигали дом, бабы в красных юбках и пестрых платках, усевшись с ногами на диваны, злобно горланили песни и ругательства» [Саратовский вестник..., 1917].

В ходе погромов крестьяне уничтожали не только имущество и инвентарь помещиков, но и культурные ценности усадеб. При разгроме имения Малиновского в Очкинской волости Орловского уезда и губернии местные крестьяне уносили из барского дома зеркала, разные комнатные украшения. Один из крестьян поместил в своей хате концертный рояль и чучело медведя [Орловский вестник..., 1917]. Липецкий уездный комиссар Ларин 23 сентября 1917 г. из Шехмани телеграфировал губернскому комиссару о разгроме восьми имений, вывозе из них имущества и инвентаря, угоне скота, варварском уничтожении произведений искусства [ГАТО. Ф. 1058, оп. 1, д. 22, л. 44]. Погромы барских имений наряду с «черным переделом» были составной частью крестьянского движения 1917 г. Активную роль в них играло поколение «революционного перелома» российского села. В борьбе с помещиком крестьянство использовало опыт «аграрных беспорядков» начала XX в. Участие в погромном движении солдат, в большинстве своем выходцев из крестьянской среды, выразилось в насилии и использовании оружия.

Повстанческое движение крестьянства 1920-х гг. В годы гражданской войны крестьянский протест масштабируется до феномена повстанчества. Объектом крестьянской агрессии теперь являются не частные помещичьи владения, а государственная политика в отношении деревни вообще. Как справедливо отмечает Д.А. Сафонов, «повстанцы, осязательно выходят за рамки локального мышления, свойственного крестьянским волнениям. Здесь иной уровень — общегосударственный; если речь идет о переменах, то для всех и в масштабах всего государства» [2017, с. 100]. Если погромное движение на селе в начале XX в. носило стихийный характер, то повстанческое движение крестьянства было организованным. В годы первой русской революции крестьяне боролись за ликвидацию помещичьего землевладения, в 1920-е гг. они уже старались защитить свободу распоряжаться результатами своего труда [Безгин, 2017, с. 26]. Однако в обоих случаях ключевым мотивом протестного поведения крестьян было стремление решать проблемы в рамках обычного права, традиционного народного понимания правды и справедливости.

Социальное ядро деревенских повстанцев 1920-х гг. состояло из молодых людей (средний возраст повстанцев Тамбовского крестьянского восстания 1920–1921 гг., приговоренных к расстрелу революционным трибуналом, — 27,5 года), представителей поколения «революционного перелома», свидетелей аграрных беспорядков в годы первой революции, участников Первой мировой войны. Таким образом, поколение «революционного перелома» выступало основным актором процесса системной трансформации села, в полной мере разделив трагическую судьбу российского крестьянства.

В контексте истории поколений можно говорить, что инсургентами «крестьянской революции» стали те, кто обрел вождленную землю и хотел быть хозяином своего труда. Лозунги и программа восстания выражали квинтэссенцию крестьянской утопии о вольной деревне, справедливой власти и свободном труде. Единственно возможной формой вооруженного противостояния коммунистическому режиму являлась партизанская война. Этим же был обусловлен и выбор тактических действий повстанцев. Использование повстанцами всех преимуществ методов «малой» войны не могло предотвратить неизбежности их военного поражения в силу модернизационного превосходства армии противника.

Заключение

Предложенный историко-антропологический анализ форм протеста, соответствующих разным уровням крестьянского сопротивления, учитывает конкретику социальных практик и масштаб движения, рассмотрен на примере крестьянских выступлений в годы «революционного перелома», с акцентом на поколенческом факторе. Немаловажными для историко-антропологического анализа крестьянского протеста являются приведенные иллюстрации конфликта между официальным и обычным правом в условиях исторического вызова эпохи «революционного перелома», распределения ролей участников коллективного общинного протеста с учетом генерационной структуры сельского социума, элементов обрядово-зрелищных форм народной вольницы, проявляющихся в историческом моменте крестьянского бунта.

Концептом крестьянского протеста, носителем которого выступала сельская община, являлось достижение справедливости, или правды в народном ее понимании. Надежным обоснованием имущественных притязаний деревенским инсургентам служили нормы обычного права русского села. Отсутствие реакции власти в форме насилия неизменно воспринималось крестьянством как слабость власти и вело к росту масштабов протеста. Вовлечение в него подрас-

тающего поколения села было обусловлено как коллективным характером действий, так и особенностью процесса социализации в деревне. Радикализм в аграрный протест вносили молодые отходники, попавшие под влияние революционной пропаганды, а также мобилизованные солдаты, «привитые» насилием войны. Наряду с новациями в крестьянском протесте наблюдаются и архаичные черты, проявившиеся в природе народного бунта, вандализме погромов, пьяной радости одержанной «победы». Своеобразным аттестатом зрелости для поколения «революционного перелома» стало повстанческое движение крестьян 1920–1921 гг., в котором молодежи села принадлежала ведущая роль.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века). М.; Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004. 304 с.
- Безгин В.Б.* Погромное движение 1905–1907 гг. и повстанчество 1920–1922 гг. тамбовского крестьянства: общее и отличие // История: Факты и символы. 2017. № 12. С. 20–27.
- Безгин В.Б.* Крестьянские дети и подростки в аграрных выступлениях 1905–1907 гг. // Крестьяноведение. 2023. № 3. С. 63–77.
- Безгин В.Б., Якимов К.А.* Социально-демографический портрет политкаторжан поколения «революционного перелома» // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1235–1247.
- Бродель Ф.* Что такое Франция? Кн. 1: Пространство и история. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. 406 с.
- Гордон А.В.* Феномен протеста в крестьянских культурах // Крестьяноведение. 2023. № 3. С. 6–26.
- Данилов В.П.* Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть: Материалы конф. М.; Тамбов: РОССПЭН, 1996. С. 4–23.
- Дубин Б.В.* Поколение: Смысл и границы понятия // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 61–79.
- Ипполитов В.А.* Факторы состояния здоровья крестьян поколения «революционного перелома» в 1920-е годы (на примере Тамбовской губернии) // Крестьяноведение. 2023. № 2. С. 46–63.
- Левада Ю.А.* Ищем человека: Социологические очерки, 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006. 384 с.
- Мангейм К.* Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 7–47.
- Мауль В.Я.* Русский бунт как защитный механизм традиционной культуры в переходный период // Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. по материалам конгресса. М.: Новый хронограф: Эйдос, 2009. Т. 6: Культурное наследие: От прошлого к будущему. С. 144–157.
- Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин.* М.: Новое литературное обозрение, 2005. 328 с.
- Рахматуллин М.А.* Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг. М.: Наука, 1990. 303 с.
- Сафонов Д.А.* Повстанчество в 1921–1922 гг. как историческое явление // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (80). Ч. 2. С. 97–101.
- Сафонов Д.А.* Крестьянское поколение «революционного перелома»: начало становления // Вестник Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. 2023. № 3. С. 673–688.
- Слезин А.А., Якимов К.А.* Общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» на рубеже 1920–1930-х годов // Научный диалог. 2022. № 8. С. 453–469.
- Сухова О.А.* «Русский бунт» начала XX века как ритуал крестьянской повседневности: реальность или мистификация // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитар. науки. 2007. № 1. С. 17–25.
- Шанин Т.* Революция как момент истины: Россия 1905–1907 гг. — 1917–1922 гг. М.: Весь мир, 1997. 560 с.
- Шанин Т.* История поколений и поколенческая история // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3. С. 6–25.
- Шанин Т.* Неудобный класс: Политическая социология крестьянства в развивающемся обществе. Россия, 1910–1925. М.: Дело, 2020. 408 с.
- Bezgin V.B., Viazinkin A.Y., Yakimov K.A.* Russian Villagers in Revolutionary Fire, 1902–1907: Generation's Factor // *Bylye Gody*. 2024. Vol. 19. Iss. 1. P. 374–382.
- Scott J.* *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven; London: Yale University Press, 1985. 392 p.
- Spitzer A.B.* *The French Generation of 1820*. Princeton: Princeton University Press, 1987. 354 p.
- Wohl R.* *The Generation of 1914*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1979. 307 p.

ИСТОЧНИКИ

АРЭМ — Архив Российского этнографического музея. Ф. 7. Оп. 2. Д. 680, 1092.
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1906 (II). Д. 700. Ч. 46.

Антропология крестьянского протеста в годы «революционного перелома»

- ГАТО — Государственный архив Тамбовской области. Ф. 2. Оп. 142. Д. 538; Ф. 1058. Оп. 1. Д. 22.
РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 566. Оп. 1. Д. 35; Ф. 919. Оп. 1. Д. 92.
Безродный М. Частная земельная собственность. М., 1906.
Бунаков Н. Сельская школа и народная жизнь: Наблюдения и заметки сельского учителя. СПб., 1906.
Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины / Под ред. Ф.Л. Барыкова. СПб., 1880. Т. 1.
Крестьянское движение в Воронежской губернии (1864–1904 гг.). Сб. док. Воронеж, 1964.
Крестьянское движение в революции 1905 года: В документах / Под. ред. Н. Карпова. Л., 1926.
Крестьянское дело. Известия Козловского уездного исполнительного комитета. 1917. 12 сент.
Орловский вестник: Газета общественной жизни, литературы, политики торговли. 1917. 14 сент.
Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева». СПб.: Навигатор. 2006. Т. 4: Нижегородская губерния.
Рязанская жизнь. 1917. 20 окт. № 253.
Саратовский вестник: Ежедн. газета. 1917. 24 сент.
Тютрюмов И. Крестьянская семья: (Очерк обычного права) // Русская речь. 1879. Кн. 4.

Bezgin V.B. *, Viazinkin A.Yu.

Tambov State Technical University, Sovetskaya st., 106/5, Tambov, 392003, Russian Federation
E-mail: vladyka62@mail.ru (Bezgin V.B.); vyazinkin@yandex.ru (Viazinkin A.Yu.)

Anthropology of peasant protest during the years of “revolutionary turning point”

Based on a wide range of published sources and archival materials, including documents of official record management, newspaper reports and chronicles, a historical and anthropological analysis of the generational factor during the period of the phenomenal peasant protest of the “revolutionary turning point” has been presented. Generational methodology made it possible to conduct historical and anthropological research considering the generational structure of Russian and Soviet society in the first third of the 20th century. The new foreshortening of this research is aimed at identifying conflicts in the legal consciousness of the peasantry in conditions of revolutionary turbulence. Determining the role of children, adolescents and rural youth in various forms of peasant protest made it possible to combine thematic issues of peasant studies, gender studies and historical anthropology. The relationship between the emotional state of the peasantry, generational ties in the village, and the role of the community in organizing the participation of children, adolescents and youth in various forms of protest has been revealed in the context of the tradition of peasant protest in Russia. The article emphasizes that, despite the innovations of revolutionary times, the importance of the community in the “protest” solution of problematic relationships “village — government” remained decisive, and the peasant protest preserved the traditional goals of rural residents — the desire for truth and justice. Specific examples demonstrate the relevance of the proposed historical and anthropological typology of the peasant protests: non-violent protest, local rebellion, and peasant revolution.

Keywords: peasant rebellion, historical anthropology, the generation of the “revolutionary turning point”, rural archaic, generational history.

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>.

REFERENCES

- Bezgin, V.B. (2004). *Peasant everyday life (traditions of the late XIX — early XX centuries)*. Moscow; Tambov: Izd. TGTU. (Rus.).
- Bezgin, V.B. (2017). Pogrom movement 1905–1907 and the insurrection of 1920–1922 of Tambov peasantry: common and different. *Istorija: Fakty i simvolj*, (12), 20–27. (Rus.).
- Bezgin, V.B. (2023). Peasant children and teenagers in agrarian protests of 1905–1907. *Krest'janovedenie*, (3), 63–77. (Rus.).
- Bezgin, V.B., Yakimov, K.A. (2022). Socio-demographic portrait of political prisoners of the “revolutionary turning point” generation. *Vestnik arhivista*, (4), 1235–1247. (Rus.).
- Bezgin, V.B., Viazinkin, A.Y., Yakimov, K.A. (2024). Russian Villagers in Revolutionary Fire, 1902–1907: Generation's Factor. *Bylye Gody*, 19(1), 374–382.
- Braudel, F. (1994). *L'identité de la France? Liv. 1*. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovyh. (Rus.).
- Gordon, A.V. (2023) The phenomenon of protest in peasant cultures. *Krest'janovedenie*, (3), 6–26. (Rus.).
- Danilov, V.P. (1996). Peasant revolution in Russia, 1902–1922. In: *Krest'jane i vlast': Materialy konf.* Moscow; Tambov: ROSSPEN, 4–23. (Rus.).
- Dubin, B.V. (2005). Generation: Meaning and boundaries of the concept. In: *Otcy i deti: Pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 61–79. (Rus.).

* Corresponding author.

- Ippolitov, V.A. (2023). Factors in the health status of peasants of the “revolutionary turning point” generation in the 1920s (using the example of Tambov province). *Krest'janovedenie*, (2), 46–63. (Rus.).
- Levada, Yu.A. (2006). *Looking for a Man: Sociological Essays, 2000–2005*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Levada, Yu., Shanin, T. (Eds.) (2005). *Fathers and Sons: Generational Analysis of Modern Russia*. Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie*. (Rus.).
- Mannheim, K. (1998). The problem of generations. *Novoe literaturnoe obozrenie*, (2), 7–47. (Rus.).
- Maul', V.Ya. (2009). Russian revolt as a protective mechanism of traditional culture in the transition period. In: *Fundamentalnyye problemy kulturologii*. T. 6. Moscow: Novyj hronograf: Jejdos, 144–157. (Rus.).
- Rakhmatullin, M.A. (1990). *Peasant movement in the Great Russian provinces in 1826–1857*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Safonov, D.A. (2017). Insurrection in 1921–1922 as a historical phenomenon. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki*, 80(6), Ch. 2, 97–101. (Rus.).
- Safonov, D.A. (2023). The peasant generation of the “revolutionary turning point”: the beginning of its formation. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija Gumanitarnye nauki*, (3), 673–688. (Rus.).
- Scott, J. (1985). *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven; London: Yale University Press.
- Shanin, T. (1997). *Revolution as a moment of truth: Russia 1905–1907 — 1917–1922*. Moscow: Ves' mir. (Rus.).
- Shanin, T. (2005). History of generations and generational history. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, (3), 6–25. (Rus.).
- Shanin, T. (2020). *Inconvenient class: Political sociology of the peasantry in a developing society. Russia, 1910–1925*. Moscow: Delo. (Rus.).
- Slezin, A.A., Yakimov, K.A. (2022). Public sentiments of peasants of the “revolutionary turning point” generation at the turn of the 1920s–1930s. *Nauchnyj dialog*, (8), 453–469. (Rus.).
- Spitzer, A.B. (1987). *The French Generation of 1820*. Princeton: Princeton University Press.
- Sukhova, O.A. (2007). I began “The Russian revolt” the 20th century as a ritual of country daily occurrence: reality or mystification. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki*, (1), 17–25. (Rus.).
- Wohl, R. (1979). *The Generation of 1914*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

Безгин В.Б., <https://orcid.org/0000-0002-7074-6823>

Вязинкин А.Ю., <https://orcid.org/0000-0003-3821-6168>

Сведения об авторах:

Безгин Владимир Борисович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Тамбовский государственный технический университет, Тамбов.

Вязинкин Алексей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Тамбовский государственный технический университет, Тамбов.

About the authors:

Bezgin V.B., Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Tambov State Technical University, Tambov.

Viazinkin A.Yu., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Senior Researcher, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Tambov State Technical University, Tambov.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 03.10.2024

Article is published: 15.03.2025